

ПРЕДИСЛОВИЕ

Меня попросили написать небольшое предисловие для нового иллюстрированного издания книги «Питер Пэн и Венди», потому что я являюсь одним из оставшихся в живых ближайших родственников Джеймса Мэтью Барри (он был дядей моего дедушки).

Барри написал много романов и пьес, пользовавшихся большим успехом, однако «Питер Пэн», впервые увидевший свет в 1904 году, и по сей день остается самой известной его книгой. Джеймс Барри получил титул баронета, был награжден орденом «За заслуги»¹, имел много других знаков отличия — одним словом, добился общественного признания, был богат и знаменит. Однако он не был счастлив: его семейная жизнь не сложилась, детей у него не было.

Барри помогал семье Левелин Дэвис и стал опекуном пятерых мальчиков после смерти их родителей. Дети Дэвисов заменили Барри семью, он был очень привязан к ним. Благодаря им и появился Питер Пэн, характер которого Барри списал с мальчиков. Пока дети были маленькие, они проявляли ответные чувства, но, подрастая, неизбежно отдалялись от своего приемного отца. Во время Первой мировой войны один из сыновей погиб на фронте. Еще одним ударом для писателя стала смерть моего дедушки, любимого племянника Джеймса Барри, погибшего в битве на реке Сомме в 1916 году. Позже, уже в мирное время, утонул другой его приемный сын — студент Оксфордского университета. Барри был просто раздавлен этими потерями и так и не оправился от них.

Я никогда не встречался с Джеймсом Барри, поскольку он умер задолго до моего рождения, но я многое знал о нем

от моего недавно скончавшегося отца, Александра Барри, который навещал известного писателя в его квартире в районе Аделфи и играл в крикет в команде, которую Джеймс Барри составил из своих друзей (среди них было немало писателей). Квартира Джеймса Барри была огромная, с великолепным видом на Темзу. В ней был камин, стены покрыты панелями из древесины, присланной с тропического острова Самоа другом (и героем) Джеймса Барри Робертом Льюисом Стивенсоном. Эта дружба, несмотря на то что была заочной (друзья только переписывались), имела для обоих огромное значение. Стивенсон, как и Барри, был признанным шотландским писателем, блестящим создателем книг для детей, включая великую пиратскую историю «Остров Сокровищ». Но в одном, довольно важном, отношении Стивенсон отличался: он был искателем приключений, закончившим свои дни в южных морях. Барри восхищался такими людьми, как Стивенсон, в крови у которых был кураж — страсть к риску, неустранимость (Стивенсон принимал участие в финансировании трагически закончившейся экспедиции капитана Скотта к Южному полюсу). Повесть о Питере Пэне — собирательная, но в ней отражено разочарование Барри в жажде приключений, которая присуща каждому ребенку.

В 1929 году Барри передал все права на издание «Питера Пэна» детскому госпиталю на Грейт Ормонд-стрит. Этот дар позже был включен в его завещание с условием, что суммы отчислений никогда не будут обнародованы. После смерти писателя в 1937 году авторские права охранялись в течение пятидесяти лет, а потом гонорары перестали поступать. Однако в 1988 году парламент принял уникальный закон, который предоставил госпиталю бессрочное право на получение процентов от продаж «Питера Пэна», гарантируя таким образом, что госпиталь будет иметь доход от продажи книги до тех пор, пока история про Питера Пэна будет

нравиться читателям.

Барри никогда не говорил о мотивах своего благородного поступка. Однако посвящение к изданию «Питера Пэна» 1928 года дает нам ключ. Посвящение адресовано пятерым детям Левелин Дэвис, двое из которых к тому времени уже умерли, и в нем Барри сказал, что «в память о том, кем мы были друг для друга, вы примите это посвящение с любовью вашего друга». Я думаю, что дар детскому госпиталю также является выражением преданности этой пятерке.

*Дэвид Барри
Декабрь 2003 года*

---

¹ Одна из высших наград, учрежденных Эдуардом VII в 1902 году; присуждается монархом за выдающиеся заслуги в разных областях; число награжденных, не считая иностранцев, не должно превышать двадцати четырех человек.

Глава 1

ПИТЕР ПРОРЫВАЕТСЯ

Все дети (кроме Питера Пэна, о котором ты скоро услышишь) в конце концов становятся взрослыми. Рано или поздно они узнают, что должны вырасти. Венди узнала об этом так. Когда ей было два года, играла она однажды в саду, сорвала цветок и подбежала к матери. Должно быть, она была очень мила в эту минуту, потому что миссис Дарлинг прижала руку к сердцу и воскликнула:

— Ах, если б ты осталась такой навсегда!

Больше они об этом не говорили, но с тех пор Венди уже твердо знала, что вырастет. Об этом всегда узнаёшь, как только тебе исполнится два года. Два — это начало конца.

Тебе, конечно, известно, что Дарлинги жили в доме номер четырнадцать и до появления Венди главной в семье была мама, очаровательная женщина с романтическим воображением и прелестным насмешливым ртом. Романтическое воображение миссис Дарлинг походило на маленькие шкатулки, которые привозят из далеких восточных стран. Откроешь одну — а в ней другая, поменьше, а в той еще одна, и так без конца! А в уголке ее прелестного насмешливого рта прятался поцелуй, который Венди никак не удавалось поймать. Как она ни старалась, он все ускользал от нее! Казалось бы, вот он, притаился в правом уголке рта, — а попробуй поймай!

Мистеру Дарлингу она досталась так: множество

джентльменов, которые были юношами, когда она была девушкой, вдруг в один и тот же миг обнаружили, что любят ее; они бросились со всех ног к ее дому, чтобы предложить ей руку и сердце, но мистер Дарлинг крикнул извозчика, домчался туда первым и получил ее в награду. Он получил все — кроме самой последней шкатулочки и поцелуя, который прятался в уголке ее рта. О шкатулочке он и не подозревал, а на поцелуй со временем махнул рукой. Венди считала, что получить этот поцелуй мог бы только Наполеон; ну а мне кажется, что и Наполеон ушел бы ни с чем, в сердцах хлопнув дверью.

Мистер Дарлинг не раз хвастался Венди, что ее мать не только любит, но и уважает его. Он был одним из тех глубокомысленных людей, что все знают про акции и облигации. По-настоящему, конечно, о них никто ничего не знает, но он говорил о том, что акции поднялись или упали в цене, с таким видом, что ни одна женщина не могла бы отказать ему в уважении.

В день свадьбы миссис Дарлинг была вся в белом; поначалу она записывала все расходы с величайшей тщательностью и даже, казалось, находила в этом удовольствие, будто играла в какую-то веселую игру; не было случая, чтобы она забыла хоть пучок петрушки; но мало-помалу она стала пропускать целые кочаны цветной капусты, а вместо них на страницах ее расходной книги появились рисунки каких-то младенцев. Она рисовала их, вместо того чтобы заниматься подсчетами. То были догадки миссис Дарлинг.

Первой появилась Венди, затем Джон, а потом Майкл.

Недели две после появления Венди было неясно, смогут ли Дарлинги оставить ее в семье — ведь прокормить лишний рот не так-то просто! Мистер Дарлинг безумно гордился Венди, но он был прежде всего человеком чести. И вот, присев на краешек кровати миссис Дарлинг и взяв ее за руку,

он занялся подсчетами, в то время как она смотрела на него с мольбой в глазах. Она готова была рискнуть, что бы их ни ожидало, но он был не таков. Он любил все точно подсчитать с карандашом в руках, и если она своими предложениями сбивала его — что ж, он просто начинал все сначала!

— Пожалуйста, не прерывай меня, — просил он. — Значит, так: один фунт семнадцать шиллингов дома и два шиллинга шесть пенсов — на службе; я могу отказаться от кофе на службе — скажем, десять шиллингов домой, — получается два фунта девять шиллингов шесть пенсов, да у тебя восемнадцать шиллингов и три пенса, итого три фунта семь шиллингов девять пенсов; в банке у меня пять фунтов, итого восемь фунтов семь шиллингов — кто это там ходит? — восемь... семь... девять... — не мешай мне, милая, — да еще фунт ты одолжила соседу — молчи, дорогая, — значит, еще фунт... и, дорогая... — ну вот и все! Как я сказал — девять фунтов семь шиллингов и девять пенсов? Да, так и есть, девять, семь и девять. Вопрос теперь в том, сможем ли мы прожить год на девять фунтов семь шиллингов и девять пенсов в неделю?

— Ну конечно сможем, Джордж! — восклицала она.

Сказать по правде, она готова была на все ради Венди. Но мистер Дарлинг твердо стоял на своем. Нет, он был просто великолепен!

— Не забывай про свинку! — предупреждал он ее чуть ли не с угрозой в голосе.

И тут все начиналось сначала.

— Свинка — один фунт... То есть это я только так пишу, на самом деле, конечно, будут все тридцать шиллингов! Не прерывай меня! Корь — один фунт и пять шиллингов, краснуха — полгиней. Итого — два и пятнадцать с половиной, не маши руками! Коклюш — пятнадцать шиллингов...

Так оно и шло, только результат каждый раз получался

иной. Но в конце концов Венди все-таки в семье оставили — свинку свели до двенадцати с половиной шиллингов, а корь и краснуху посчитали заодно.

Такое же волнение царило в доме и по поводу Джона, а Майклу пришлось и совсем туго; но оба были все же приняты в семью, и вскоре всех троих можно было увидеть на улице: вместе с нянькой они чинно шли рядком в детский сад мисс Фулсом.

Миссис Дарлинг любила, чтобы в семье был порядок, а мистер Дарлинг хотел, чтобы у них все было как у людей, так что, конечно, у детей была нянька. Но так как Дарлинги были бедны (ведь дети выпивали столько молока!), в няньки они взяли ньюфаундленда, собаку по кличке Нэна, у которой не было хозяев до тех пор, пока ее не наняли Дарлинги. Она была собакой строгих правил и всегда относилась к детям с большим вниманием; Дарлинги познакомились с нею в Кенсингтонских садах, где она проводила большую часть своего свободного времени, заглядывая в детские коляски. К немалой досаде нерадивых нянек, она бежала за ними до самого дома и жаловалась на них хозяйкам.

Нэна оказалась просто сокровищем. Как строга она была во время купания! А ночью мгновенно вскакивала, стоило кому-нибудь из детей подать голос. Разумеется, ее конура стояла в детской. Она прямо каким-то чудом понимала, когда на кашель можно не обращать внимания, а когда нужно завязать горло шерстяным чулком.

Всем лекарствам до последнего дня своей жизни она предпочитала старинные средства, вроде ревеня, а когда при ней заводили разговор о микробах, она только презрительно фыркала. В детский сад она провожала их по всем правилам: пока они вели себя хорошо — степенно шла рядом, а стоило кому-либо отбежать в сторону — живо возвращала его на место.

Если у Джона в этот день был футбол, она никогда не

забывала его свитер, а на случай дождя всегда носила в зубах зонтик. В детском саду мисс Фулсом в подвале была комната, где няньки ждали детей, когда приходили за ними. Няньки сидели на скамейках, а Нэна лежала на полу — вот и вся разница! Они притворялись, что не замечают ее, потому что она ниже их по своему положению, а она презирала их болтовню.

Нэна не любила, чтобы в детскую заходили гости, но если уж этого было не избежать, она мигом срывала с Майкла нагрудник и надевала другой, с голубыми лентами, одергивала на Венди платье и прилизывала Джону волосы.

В детской царил образцовый порядок, и мистеру Дарлингу это было хорошо известно, и все же он с тревогой думал о том, что скажут люди. Ведь он должен был помнить о своем положении в обществе.

Была у него и другая причина для беспокойства. Иногда мистеру Дарлингу казалось, что Нэна не восхищается им.

— Я знаю, она от тебя просто без ума, Джордж, — уверяла его миссис Дарлинг и подавала детям знак, чтобы они развеселили отца. Тут начинались пляски, и даже маленькой служанке Лизе, которая тоже жила у Дарлингов, порой разрешали принять в них участие. В своей длинной юбке и белоснежной наколке она выглядела просто крошкой, хоть и клялась, когда ее брали в дом, что ей исполнилось десять лет. Какое это было веселье! Как они прыгали, кричали, плясали! Но больше всех веселилась миссис Дарлинг, она так бешено кружилась в танце, что виден был лишь поцелуй, притаившийся в уголке ее рта. Будь ты попроворнее, может, ты и сумел бы его схватить! Словом, не было на свете другой такой веселой и счастливой семьи, пока в доме не появился Питер Пэн.

Впервые миссис Дарлинг узнала о нем, когда стала однажды наводить порядок в мыслях своих детей. По вечерам, когда дети засыпали, хорошие матери начинают

разбирать их мысли, раскладывая по местам все, что накопилось в их головах за целый день. Если б ты как-нибудь не сразу заснул (только у тебя это, конечно, не выйдет), ты бы увидел, как мама разбирает твои мысли. Это очень интересно! Похоже, будто она прибирает в комод. Думаю, что некоторые находки ей очень приятны, а другие — нет. Вот она, стоя на коленях, берет что-то в руки, удивляется, как к тебе попала эта мысль, другую прижимает к щеке и гладит, как котенка, а третью торопливо убирает с глаз долой. А утром, когда ты проснешься, все шалости и злые побуждения, с которыми ты заснул, будут свернуты и спрятаны на дне ящика, а сверху, на самом виду, будут разложены все твои самые лучшие мысли и намерения, вычищенные и выглаженные, — только надевай!

А видел ты когда-нибудь карту собственных мыслей? Врачи порой рисуют схемы некоторых частей твоего тела, и это бывает безумно интересно, но сделать карту твоих мыслей нелегко, ибо в голове у тебя все перепутано и все время меняется. Чего-чего там только нет! Какие-то зигзаги вроде твоей температуры, вычерченной на листе бумаги; вероятно, это дороги на острове — ведь Нигдешняя страна всегда кажется нам островом: и все там так ярко и удивительно — и коралловые рифы, и быстроходный бриг, ставший на якорь в заливе, и дикари, и пустые приюты, и гномы, но большей частью — портные, и пещера с бьющим из-под земли источником, и принц с шестью старшими братьями, и ветхая хижина, и крошечная старушка, у которой нос крючком. Во всем этом можно бы разобраться, но есть там еще и первый день в школе, и отцы, и круглый пруд, и рукоделие, и убийства, и виселицы, и глаголы, после которых идет дательный падеж, и шоколадный пудинг, и большое горло («Ну-ка скажи „а-а“!»), и расшатавшийся зуб («Три пенса, если вырвешь его сам!»), и длинные брюки, и многое-многое другое. И то ли это разные части острова, то

ли просто одна карта просвечивает сквозь другую, — но только все это страшно запутано, особенно потому что все это находится в движении.

Конечно, Нигдешняя страна у каждого своя. У Джона, например, там была лагуна, над которой летали фламинго, и он на них охотился. А у Майкла, который был еще очень мал, лагуны летали над фламинго. Джон жил на своем острове в перевернутой лодке, которую он вытащил на песок, Майкл — в вигваме, умело сшитом из листьев. У Джона друзей не было, у Майкла они появлялись по ночам, а Венди дружила с волчонком, которого бросили родители. Впрочем, между этими островами всегда есть семейное сходство, и, если б поставить их в ряд и велеть стоять смирно, ты бы увидел, что носы у них одинаковые — да и не только носы! К этим волшебным берегам вечно плывут в своих лодках дети. Там бывали и мы; нам и теперь еще порой слышен шум нездешнего прибойа, но ступить на те берега нам больше не дано!

Из всех чудесных островов Нигдешний самый уютный и удобный: все в нем рядом, прямо рукой подать, и приключений хоть отбавляй. Там скучать не приходится. Днем, когда играешь в остров Нигдешний со стульями и скатертью, он совсем не страшный, но вечером, за те две минуты, пока ты не заснул, он вдруг оживает. Вот потому-то в детской всегда горят ночники.

Время от времени, разбирая мысли своих детей, миссис Дарлинг находила в них что-нибудь непонятное, и самым загадочным для нее было слово «Питер». Среди знакомых у Дарлингов не было никакого Питера, и все же он то и дело попадался ей в мыслях у Джона и Майкла; ну а у Венди в мыслях он занимал главное место. Вглядевшись в это имя, миссис Дарлинг увидела, что буквы в нем крупнее, чем в других словах, и выглядит оно как-то дерзко.

— Да, он очень любит дерзить, — подтвердила со

вздохом Венди, когда миссис Дарлинг расспросила ее.

— Но кто же он, доченька?

— Питер Пэн! Ты ведь его знаешь, мама!

Миссис Дарлинг его не знала, но, задумавшись о своем детстве, припомнила какого-то Питера Пэна, который, по слухам, жил у фей. О нем рассказывали всякие чудеса: будто, когда дети умирают, он летит с ними часть пути, чтобы им не было страшно. В детстве она в него верила, но теперь, когда она вышла замуж и стала благоразумной, она усомнилась в его существовании.

— Но теперь уж он, конечно, вырос, — сказала она Венди.

— А вот и нет, — уверенно ответила Венди. — Он ростом точь-в-точь как я.

Она хотела сказать, что он не старше ее да и ростом не больше; неизвестно, откуда она это знала, — просто знала, и все!

Миссис Дарлинг рассказала об этом разговоре мужу, но он только рассмеялся.

— Уверяю тебя, — сказал он, — весь этот вздор от Нэны. Такое только собаке может прийти в голову. Ты не волнуйся — и все забудется!

Однако ничего не забылось, а вскоре этот негодник не на шутку испугал миссис Дарлинг.

С детьми, бывает, приключаются самые невероятные вещи, которые их совсем не пугают. Скажем, неделю спустя они могут невзначай заметить, что, гуляя в лесу, встретили своего покойного отца и играли с ним. Так и Венди как ни в чем не бывало сообщила однажды утром матери удивительную новость. Видишь ли, миссис Дарлинг нашла на полу в детской какие-то листья, которых там, конечно, не было, когда дети ложились спать. Миссис Дарлинг ломала себе голову над тем, откуда они взялись, как вдруг Венди снисходительно улыбнулась и сказала:

— Ну конечно, опять этот Питер!

— Что ты говоришь, Венди?

— Противный мальчишка! Никогда не вытирает ноги, — вздохнула Венди. Сама она была очень аккуратна.

Она спокойно объяснила, что по ночам Питер прилетает иногда в детскую и, усевшись на спинку кровати у нее в ногах, играет на дудочке. К счастью, Венди никогда не просыпалась ночью, так что непонятно, откуда она это знала, — просто знала, и все!

— Чепуха, дорогая! В дом нельзя войти, не постучав.

— По-моему, он влезает в окно.

— На третий этаж?!

— Так ведь ты нашла листья у окна, мама?

Да, ничего не скажешь, листья действительно лежали у окна. Миссис Дарлинг не знала, что и подумать, а Венди все было понятно: не могло же ей это просто присниться!

— Доченька, — вскричала миссис Дарлинг, — но почему ты раньше мне ничего не сказала?

— Забыла, — весело бросила Венди. Она торопилась завтракать.

Нет, конечно, все это ей просто приснилось!

Правда, под окном лежали листья... Миссис Дарлинг внимательно их рассмотрела; они были сухие и хрупкие, но миссис Дарлинг была совершенно уверена в том, что в Англии деревьев с такими листьями нет. Со свечой в руке она осмотрела весь пол в детской, ища следы таинственного посетителя. Она залезла кочергой в дымоход и простучала стены. Она спустила мерную ленту из окна — до земли было тридцать футов, а водосточной трубы, чтобы взобраться вверх, возле окна не было.

Ну конечно, Венди все это просто приснилось!

Но нет, это был не сон; следующей же ночью произошли необычайные события, подтвердившие ее слова, — с них-то все и началось! Вечером дети, как всегда, лежали в постелях.

У Нэны этот вечер был выходной, и миссис Дарлинг сама искупала детей и спела им колыбельную, пока один за другим они не выпустили ее руки и не ускользнули от нее в страну сна.

Было так тихо и уютно, что собственные страхи показались ей смешными, и она спокойно уселась с рукоделием у камина.

Она шила для Майкла — близился день его рождения, когда он впервые должен был надеть рубашку. Она пригелась у огня, детская была слабо освещена тремя ночниками, и вскоре шитье выпало из ее рук. Голова ее опустилась на грудь — о, это было прелестное зрелище... И она заснула. Взгляни же на них: Венди и Майкл — вон там, Джон — здесь, а миссис Дарлинг у камина. Только четвертого ночника в детской не было.

Ей снился сон. Ей снилось, что Нигдешний остров приблизился и оттуда появился необычный мальчик. Он ее не встревожил, ей казалось, что она уже различала его черты раньше в лицах многих женщин, у которых не было детей. Возможно, он виделся ей на лицах и некоторых матерей.

Но в ее сне он разорвал легкую завесу, которая затеняет Нигдешнюю страну, и она увидела, что Венди, Джон и Майкл смотрят туда.

Сам по себе сон этот ничего бы не значил, но, пока он ей снился, окно в детской распахнулось, и в комнату прыгнул мальчик. Вместе с ним влетел какой-то странный огонек, не больше твоего кулака, который заметался по комнате словно живой, и этот-то огонек, по-моему, и разбудил миссис Дарлинг.

Она вскрикнула и проснулась; увидев мальчика, она почему-то сразу поняла, что это Питер Пэн. Если бы в комнате в эту минуту был ты, или я, или Венди, мы бы заметили, что он очень похож на поцелуй, прятанный у миссис Дарлинг в уголке рта. Он был очень хорош собой,

платье ему заменяли сухие листья и березовый сок, а зубы у него (нет, ты только подумай!) были все как один молочные. Они так и сверкали, будто жемчужные! Увидев взрослую, он заскрежетал на нее зубами.

Глава 2

ТЕНЬ

Миссис Дарлинг закричала, и тотчас же, словно в ответ на звонок, дверь распахнулась, и в детскую вбежала Нэна — она вернулась домой после выходного. Нэна зарычала и бросилась на мальчика, но тот быстро выпрыгнул в окно. Миссис Дарлинг снова закричала — на этот раз от страха; она боялась, что он разобьется о мостовую; она выбежала на улицу, но там его не было; она поглядела вверх, но не увидела ничего, кроме маленькой звездочки, которая, как ей показалось, падала с неба.

Миссис Дарлинг вернулась в детскую и увидела, что Нэна что-то держит во рту — как оказалось, это была тень мальчика. Сам-то он ускользнул от Нэниных зубов, но тени его не повезло: она не успела выскочить вместе с ним — окно захлопнулось, и тень осталась в комнате.

Можешь не сомневаться, миссис Дарлинг оглядела ее со всех сторон, но тень была самой обыкновенной.

Нэна тут же решила, как с ней поступить. Она вывесила тень за окно и подумала про себя: «Конечно, он скоро явится за нею; пусть она висит здесь на виду, тогда он легко ее достанет, не потревожив детей».

Жаль только, что миссис Дарлинг не могла ее там оставить: тень была очень похожа на неглаженое белье, из-за нее весь дом стал выглядеть некрасиво. Миссис Дарлинг хотела показать тень мужу, но он как раз в это время

подсчитывал, во сколько обойдутся зимние пальто для Джона и Майкла; чтобы сохранить ясность мысли, он обвязал голову мокрым полотенцем, и мешать ему сейчас было бы просто непростительно! К тому же миссис Дарлинг прекрасно знала, что в ответ он только скажет:

— Что ж ты хочешь, если в няньках у детей собака!

Она решила свернуть тень и спрятать ее в комод — пусть полежит там, пока не наступит удобный момент рассказать обо всем мистеру Дарлингу. Ах, лучше б она этого не делала!

Случай представился через неделю, в пятницу. Ну конечно, это случилось в пятницу! Этой пятнице суждено было стать незабываемой для всей семьи.

— Ах, почему я не остереглась! — не раз говорила потом миссис Дарлинг мужу. — Ведь это была пятница!

А Нэна сидела по другую сторону от миссис Дарлинг и держала ее за руку.

— Нет, нет, — неизменно отвечал мистер Дарлинг, — это я во всем виноват, я, Джордж Дарлинг! *Mea culpa, mea culpa!*²

Он получил классическое образование.

Так они сидели длинными вечерами, перебирая мельчайшие подробности этого рокового дня, пока они не запечатлелись в их памяти, словно голова монарха на бракованных монетах, где изображение бывает пробито насквозь.

— Зачем только я обещала пойти на обед в дом номер двадцать семь! — говорила миссис Дарлинг.

— Зачем только я вылил лекарство в Нэнину миску! — говорил мистер Дарлинг.

— Зачем только я не притворилась, что лекарство вкусное! — говорили Нэнины глаза, полные слез.

— А все моя любовь к развлечениям, Джордж!

— А все мое роковое чувство юмора, дорогая!

— А все моя обидчивость по пустякам, дорогие хозяева!

И тут всегда кто-нибудь из них начинал рыдать. И Нэна при этом неизменно думала: «Да, конечно, не следовало им брать в няньки собаку!»

И не раз мистер Дарлинг сам утирал Нэне слезы.

— Нет, но каков негодяй! — восклицал мистер Дарлинг, и Нэна вторила ему оглушительным лаем, но миссис Дарлинг никогда не ругала Питера: что-то в правом уголке рта мешало ей это сделать.

Так они и сидели в пустой детской, с грустью вспоминая все, что случилось в тот ужасный вечер. Начался он обыкновенно, совсем как сотни других вечеров: Нэна приготовила воду, чтобы перед сном выкупать Майкла, и понесла его на спине к ванне.

— Не хочу я спать! — кричал Майкл. Он все еще думал, что последнее слово всегда должно оставаться за ним. — Не хочу! Не буду! Нэна, еще нет шести! Я тебя не буду любить, Нэна! Не хочу я купаться, слышишь? Не хочу! Не буду!

Тут в детскую вошла миссис Дарлинг в белом вечернем платье. Она оделась пораньше, чтоб показаться дочери: Венди так любила смотреть на нее, когда она надевала это платье и ожерелье, которое подарил ей муж. На руке у миссис Дарлинг был Вендин браслет — она попросила его у Венди на этот вечер. Венди очень любила давать ей на вечер свой браслет.

Войдя в детскую, миссис Дарлинг увидела, что старшие дети играют: Венди была миссис Дарлинг, Джон — мистер Дарлинг, а Венди только что родилась.

— Я счастлив сообщить вам, миссис Дарлинг, что вы стали матерью, — говорил Джон точь-в-точь таким голосом, каким, возможно, говорил в тот день и сам мистер Дарлинг.

А Венди заплясала от радости, как, конечно, поступила в свое время и сама миссис Дарлинг.

Затем родился Джон, с торжественностью, подобающей,

по его мнению, мужчине, а потом Майкл выскочил из ванны и сказал, что он тоже хочет родиться, но Джон грубо заявил, что больше детей им не нужно.

Майкл чуть не заплакал.

— Никому я не нужен! — сказал он.

И конечно, миссис Дарлинг не могла этого вынести.

— Нет, нужен, — сказала она. — Мне очень нужен третий ребенок!

— Мальчик или девочка? — спросил Майкл без особой надежды.

— Мальчик!

Майкл бросился ей на шею.

Теперь, когда мистер и миссис Дарлинг и Нэна вспоминали об этом, слезы сами собой навертывались им на глаза. Ведь это был их последний вечер с детьми! И они продолжают вспоминать.

— В эту минуту я и влетел к вам, как ураган, да? — спрашивал мистер Дарлинг.

Теперь он презирал себя за это.

Действительно, мистер Дарлинг влетел тогда в детскую, как ураган. Правда, у него были на то серьезные причины. Он тоже переодевался, чтобы идти в гости, и все было хорошо, пока дело не дошло до галстука. Ты, конечно, можешь мне не поверить, но этот человек, который так хорошо разбирался в акциях и облигациях, был не в ладах с собственным галстуком. Иногда галстук поддавался ему без особой борьбы, но бывали случаи, когда для всех было бы лучше, если бы он забыл о своей гордости и пристегнул готовый галстук.

В тот вечер галстук опять отказался ему повиноваться. Мистер Дарлинг ворвался в детскую, сжимая в руке этого маленького и сильно помятого безобразника.

— Что случилось, папочка, милый?

— Случилось?! — закричал он не своим голосом. — Этот

галстук! Он не желает завязываться! — В голосе его зазвучала опасная ирония. — Завязываться-то он завязывается, но только не на моей шее! Где угодно, только не на шее! На столбике от кровати — пожалуйста! Хотя двадцать раз! Но на моей шее — ни за что! Не желает — и все тут!

Он, видно, думал, что миссис Дарлинг недостаточно ему сочувствует, и строго добавил:

— Предупреждаю тебя, пока галстук не завяжется на моей шее, мы в гости не пойдём! А если мы сегодня не пойдём в гости, я перестану ходить на службу, а если я перестану ходить на службу, мы с тобой будем голодать и наши дети окажутся на улице!

Но и тут миссис Дарлинг сохранила присутствие духа.

— Дай я попробую, милый, — сказала она.

Ведь он для того сюда и пришел! Легкими прохладными пальцами она в один миг завязала ему галстук. Дети стояли вокруг и смотрели, как решается их судьба. Другой мужчина рассердился бы, увидев, как спокойно она все сделала, но мистер Дарлинг был выше этого. Он небрежно поблагодарил ее и тут же забыл свой гнев; не прошло и минуты, как он уже танцевал по комнате с Майклом на плечах.

— Как мы тогда веселились! — вспоминала миссис Дарлинг.

— В последний раз! — стонал мистер Дарлинг.

— Ах, Джордж, помнишь, как Майкл вдруг спросил меня: «Мама, а как я с тобой познакомился?»

— Еще бы не помнить!

— Какие они были милые, правда, Джордж?

— Главное, что они были наши, такие родные! А теперь их у нас нет!

В эту минуту в детскую вошла Нэна, и надо же было так случиться, что мистер Дарлинг наткнулся на нее и к его брюкам пристала шерсть. Мало того что брюки новые — это

была у него первая в жизни пара, обшитая тесьмой, и он закусил губу, чтобы не расплакаться. Конечно, миссис Дарлинг почистила брюки, но он снова стал говорить о том, какая это ошибка, что у детей в няньках собака.

— Но, Джордж, Нэна просто сокровище!

— Конечно, но иногда мне бывает как-то не по себе. Мне начинает казаться, что для нее наши дети все равно что щенята!

— Ах нет, дорогой, она прекрасно знает, что у них есть души!

— Сомневаюсь, — протянул мистер Дарлинг, — сомневаюсь...

Тут-то ей и представился случай рассказать о странном мальчике. Сначала мистер Дарлинг только посмеивался, но, когда ему показали тень, он задумался.

— Эта тень мне незнакома, — сказал он, внимательно ее разглядев, — но я совершенно уверен, что хозяин ее — негодяй.

— Мы все еще говорили о тени, — произносит миссис Дарлинг, — когда Нэна принесла Майклу лекарство, помнишь? Ах, Нэна, больше ты никогда не будешь носить в зубах пузырек с лекарством, и во всем этом виновата я!

Мистер Дарлинг был мужественным человеком, но в истории с лекарством он повел себя не очень-то умно. Конечно, и у него были свои слабости: он был, например, глубоко убежден в том, что всю жизнь героически пил лекарства, вот почему, когда Майкл стал увертываться от ложки, которую поднесла ему Нэна, он строго сказал:

— Будь же мужчиной, Майкл!

— Не хочу! Не буду! — упрямо кричал Майкл.

Миссис Дарлинг пошла за шоколадкой, но мистер Дарлинг решил, что ей не хватает твердости.

— Не балуй его, мамочка! — закричал он ей вслед. — В твоём возрасте, Майкл, я выпивал любое лекарство не

моргнув глазом. Только приговаривал: «Спасибо, дорогие папочка и мамочка, что вы даете мне целый пузырек, чтобы я выздоровел».

Ему казалось, что именно так все и было, и Венди, которая стояла рядом в ночной рубашке, тоже поверила этому и сказала, чтобы приободрить Майкла:

— Твое лекарство еще противнее, правда, папа? То, что ты сейчас иногда пьешь...

— Гораздо противнее, — сказал мистер Дарлинг смело. — Я бы его сейчас выпил, Майкл, тебе для примера, если б только не потерял пузырек...

Не то чтоб он его потерял, а просто однажды поздно ночью, когда все в доме спали, он спрятал его на шкафу. Только он не знал, что маленькая служанка Лиза нашла пузырек и поставила его опять на умывальник.

— Я знаю, где он, папочка! — обрадовалась Венди, всегда готовая услужить. — Сейчас я его принесу.

Не успел мистер Дарлинг и рта раскрыть, как она убежала. Мистер Дарлинг почему-то помрачнел.

— Джон, — сказал он, содрогаясь, — это невероятная гадость. Знаешь, такая липкая, сладкая, противная штука...

— Ты проглоти его побыстрее, папа, и все! — весело посоветовал Джон.

Тут Венди примчалась обратно, в руках она несла стакан с лекарством.

— Я бежала со всех ног! — сказала она, с трудом переводя дыхание.

— Ты у нас молодец, — проговорил мистер Дарлинг с убийственной вежливостью, которой она не оценила, и упрямо добавил: — Майкл — первый!

— Папа — первый! — сказал Майкл. Он был недоверчив по природе.

— А если меня стошнит? — спросил мистер Дарлинг с угрозой в голосе.

— Ну же, папа! — торопил Джон.

— Попридержи язык, Джон! — приказал мистер Дарлинг. Венди ничего не могла понять.

— Я думала, ты пьешь лекарство совершенно спокойно, папа, — сказала она.

— Дело совсем не в том, — ответил он. — Ты же знаешь, у меня в стакане лекарства больше, чем у Майкла в ложке. — Его гордое сердце не могло этого вынести. — А это несправедливо! Я умирать буду, а все же скажу: несправедливо.

— Папа, я жду! — холодно заметил Майкл.

— Ну и что же? Я тоже жду.

— Папа — жалкий трус!

— Сам ты жалкий трус!

— Я не боюсь!

— Ну и я не боюсь!

— Что ж ты не пьешь?

— А ты что?

Тут Венди осенило:

— А почему бы вам не выпить вместе?

— Конечно, — сказал мистер Дарлинг. — Ты готов, Майкл?

— Раз, два, три! — сосчитала Венди.

Майкл лекарство проглотил, а мистер Дарлинг спрятал свой стакан за спину.

Майкл испустил яростный вопль.

— Ах, папа! — вскричала Венди.

— Что «ах, папа»? — спросил мистер Дарлинг строго. — Сейчас же прекрати этот крик, Майкл! Я хотел его принять, но... но не успел.

Просто ужасно, как они на него смотрели! Похоже, что они им совсем не восхищались.

— Послушайте, дети, — сказал он с мольбой в голосе, как только Нэна вышла в ванную. — Я придумал чудесную

шутку. Я вылью свое лекарство Нэне в миску, а она подумает, что это молоко, и вылакает его!

Лекарство действительно было белое, как молоко, но дети, в отличие от мистера Дарлинга, не понимали таких шуток; они с упреком смотрели, как он вылил лекарство в Нэнину миску.

— Как смешно! — воскликнул мистер Дарлинг.

Голос его звучал неуверенно, и они не решились его разоблачить, когда Нэна и миссис Дарлинг вернулись в детскую.

— Нэна, собачка, — сказал он, поглаживая ее. — Я налил тебе молочка в миску, Нэна...

Нэна махнула хвостом, подбежала к миске и начала лакать, но тут же взглянула на мистера Дарлинга. Взглянула не сердито, только на глаза ей навернулась большая слеза, которая заставляет нас жалеть благородных собак, и она молча залезла в свою конуру.

Мистеру Дарлингу было страшно стыдно, но он не сдался. В ужасной тишине миссис Дарлинг понюхала миску.

— Ах, Джордж, — сказала она. — Ведь это твое лекарство!

— Это была просто шутка! — вскричал он.

Миссис Дарлинг принялась утешать мальчиков, а Венди обнимала Нэну.

— Я из сил выбиваюсь, чтобы всем в доме было весело! — сказал мистер Дарлинг с горечью. — И хоть бы кто-нибудь меня понял!

А Венди все обнимала Нэну.

— Ну конечно! — закричал он. — Обнимай ее! Меня-то никто не обнимает! К чему?! Я только зарабатываю всем на хлеб. Зачем же меня обнимать?! Зачем?!

— Джордж, — попросила миссис Дарлинг. — Не так громко, пожалуйста. Слуги тебя услышат...

Почему-то они называли Лизу слугами.

— Ну и пусть, — отвечал он решительно. — Пусть весь свет слышит! Но я больше часу не потерплю, чтобы у меня в детской хозяйничала собака!

Дети заплакали, а Нэна подбежала к нему с мольбой в глазах, но он на нее даже не посмотрел. Он снова почувствовал себя настоящим мужчиной.

— Нечего, нечего, — воскликнул он, — тебе место во дворе, на привязи! Отправляйся туда сию же минуту!

— Джордж, Джордж, — прошептала миссис Дарлинг, — вспомни, что я тебе говорила о том мальчике!

Увы! Он и слышать ничего не желал. Он твердо решил показать, кто в доме хозяин, и, когда Нэна не послушалась его, он лаской выманил ее из конуры, схватил за ошейник и выволок во двор. Ему было стыдно, и все же именно так он и поступил. Все это произошло из-за его слишком любящего сердца, которому так нужно было восхищение. Привязав Нэну во дворе, несчастный отец уселся в коридоре и закрыл лицо руками.

Тем временем миссис Дарлинг в полном молчании уложила детей и зажгла ночники.

Тут они услышали, как лает Нэна.

— Это он сажает ее на цепь во дворе, — захныкал Джон.

Но Венди с ним не согласилась, хоть и она, конечно, не догадывалась, что сейчас произойдет.

— Нет, — сказала она, — когда ее обижают, Нэна лает по-другому. А так она лает, когда чувствует опасность.

Опасность!

— Ты уверена, Венди?

— Ну конечно.

Миссис Дарлинг задрожала и подошла к окну. Оно было заперто на задвижку. Она посмотрела на ночное небо, густо усыпанное звездами. Они толпились вокруг дома, словно им не терпелось посмотреть, что там произойдет, но миссис Дарлинг этого не заметила. Не заметила она и того, что две

самые маленькие звездочки подмигнули ей, будто хотели предупредить ее о чем-то. И все же безотчетный страх сжал ей сердце.

— Как мне не хочется сегодня идти в гости! — сказала она.

Даже Майкл, который уже засыпал, понял, что она чем-то встревожена.

— Когда ночники зажжены, нам нечего бояться, правда, мама? — спросил он.

— Конечно, дорогой, — ответила она. — Это мама оставляет их следить за своими детишками.

Она подошла к кроваткам, сначала к одной, потом к другой и третьей, напевая колыбельную, и маленький Майкл крепко обнял ее.

— Мама, — сказал он, — я так рад тебе!

Это были последние слова, которые миссис Дарлинг услышала от него перед долгой разлукой.

Дом номер двадцать семь был совсем близко, но в тот день выпал легкий снежок, и мистер и миссис Дарлинг шли осторожно, чтобы не испачкать обувь. На улице, кроме них, никого не было, и все звезды внимательно следили за ними.

Звезды очень красивы, но они могут только наблюдать за тем, что происходит, а сделать ничего не могут. Это наказание наложено на них за какой-то проступок, который они совершили так давно, что ни одна звезда уже не помнит, что это было. Старым звездам давно уже все наскучило, и они смотрят на мир стеклянным взглядом и молчат, но юным все внове, и они без усталости мигают, переговариваясь друг с другом. Звезды не очень-то любят Питера, потому что он часто подкрадывается к ним сзади и пытается их задуть, но в тот вечер им было скучно, вот почему они были на его стороне и с нетерпением ждали, чтобы взрослые ушли. Как только дверь дома номер двадцать семь захлопнулась за мистером и миссис Дарлинг, на небесах поднялось волнение

и самая крошечная звездочка из Млечного Пути пропищала:
— Питер, давай!

---

² Моя вина, моя вина! (*лат.*)

Глава 3

УЛЕТИМ! УЛЕТИМ!

Когда мистер и миссис Дарлинг ушли, ночники у детских кроваток с минуту горели ясно. Это были очень милые ночники, и нам остается только пожалеть, что они заснули и проглядели Питера; но Вендин ночник почему-то заморгал и так широко зевнул, что два других тоже принялись зевать и так, не закрывая ртов, и заснули.

В комнате был в это время и другой огонек, в тысячу раз ярче, чем ночники. Пока я говорю тебе об этом, он успел заглянуть в шкаф, пошарил в ящиках комода и вывернул все карманы. Он искал тень Питера. И, знаешь, это был совсем не огонек, а маленькая фея, не больше твоей ладони (правда, она еще росла); она так быстро носилась по комнате, что казалось, будто это огонек пляшет в воздухе. Звали ее Динь-Динь; одета она была очень изысканно — высохший листок с глубоким квадратным вырезом у шеи изящно облегал ее фигурку. Она была слегка склонна к полноте.

Через минуту после появления феи юные звезды дунули, распахнули окно в детской, и в комнату влетел Питер. Часть пути он нес Динь-Динь в руках, и потому к его пальцам пристала волшебная пыльца.

— Динь! — позвал он тихонько, убедившись, что дети спят. — Динь, где ты?

Она была в кувшине, и ей это страшно нравилось — никогда раньше она не бывала в кувшинах.

— А ну вылезай! Ты не знаешь, куда они девали мою тень?

В ответ раздался дивный звон, будто зазвенели золотые бубенчики. Это язык фей. Вы, дети, не можете его услышать, но если бы вдруг услышали, то сразу поняли бы, что уже слышали его когда-то.

День сказала, что тень в большой коробке (она хотела сказать — в комодe), и Питер тотчас подскочил к ящикам и начал обеими руками выгребать из них содержимое и швырять все на пол, словно король, бросающий медяки в толпу. Он скоро нашел свою тень и так обрадовался, что захлопнул ящик, не заметив, что в нем осталась День.

Если он о чем-нибудь и думал в эту минуту (а я подозреваю, что думать было не в его привычках), то, конечно, только о том, что тень тотчас же прирастет к нему, стоит только прижать ее покрепче; когда же этого не случилось, он пришел в ужас. Он попытался прилепить ее мылом, взятым из ванной, но у него ничего не вышло. Дрожь пронизала Питера, он уселся на пол и расплакался.

Его плач разбудил Венди, и она села в постели. При виде незнакомого мальчика, плачущего на полу, она не испугалась, а скорее приятно удивилась.

— Мальчик, — спросила она вежливо, — почему вы плачете?

Питер тоже умел быть необычайно вежливым — он выучился светским манерам на праздниках у фей; он встал и с чрезвычайной учтивостью поклонился Венди. Ей это очень понравилось, и, сидя в постели, она ответила ему поклоном.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Венди Мойра Анджела Дарлинг, — ответила она без гордости. — А вас?

— Питер Пэн.

Она уже знала, что это Питер, но все же его имя показалось ей коротким.

— И все? — спросила она.

— Да! — ответил он резко. Впервые в жизни он почувствовал, что имя у него и вправду коротковато.

— Простите, — сказала Венди Мойра Анджела.

— Чепуха, — отрезал Питер.

Она спросила, где он живет.

— Второй поворот направо, — сказал Питер, — а потом прямо, до самого утра.

— Какой смешной адрес!

У Питера сжалось сердце. Он подумал, что адрес, пожалуй, и в самом деле смешной.

— Нет, не смешной! — сказал он.

— Я не то хотела сказать, — поправились Венди, вспомнив, что Питер был ее гостем. — Я хотела спросить: на письмах так и пишут?

«Лучше б она не вспоминала про письма», — подумал Питер.

— Не получаю никаких писем! — сказал он презрительно.

— Но ваша мама получает?

— Нет у меня никакой мамы! — ответил он.

У него не только не было мамы, но не было ни малейшего желания ее иметь. Он считал, что про матерей вообще зря говорят столько хорошего. Но у Венди сердце сразу заныло от жалости.

— Ах, Питер, теперь понятно, почему ты плачешь! — вскричала она, спрыгнула с кровати и подбежала к нему.

— И вовсе я не поэтому плакал, — сказал он с негодованием. — Я плакал потому, что никак не могу прилепить свою тень. А вообще я и не думал плакать!

— Она отлепилась?

— Да.

Тут Венди увидела тень, лежащую на полу; тень была такая мятая, что Венди стало невыносимо жалко Питера.

— Какой ужас! — сказала она.

Впрочем, она не могла сдержать улыбку, увидев, что Питер пытался прикрепить ее мылом. Уж эти мальчишки!

К счастью, она тут же сообразила, как помочь горю.

— Ее надо пришить, — сказала она высокомерно.

— Что такое «пришить»? — спросил он.

— Ой, какой ты невежа!

— Вот и неправда!

Ей было очень приятно, что он не знает таких простых вещей.

— Я тебе ее пришью, маленький, — сказала она. Непонятно, почему она его так назвала, — ведь он был с нее ростом.

Она достала свою рабочую шкатулку и принялась пришивать тень ему к пяткам.

— Боюсь, что тебе будет немножко больно, — предупредила она.

— О, я не заплачу! — сказал Питер.

Он уже был уверен, что никогда в жизни не плакал. Он сжал зубы и не заплакал, и скоро тень уже вела себя вполне прилично, хоть и выглядела все же немножко помятой.

— Надо было ее прогладить, — сказала Венди задумчиво.

Но Питера, как и всех мальчишек, это ничуть не заботило, и он в восторге запрыгал по комнате. Увы, он уже забыл, что своим счастьем обязан Венди. Он был уверен, что сам пришил себе тень.

— Какой я умный! — кричал он радостно. — Нет, вы только подумайте, какой я умный! — И он закукарекал.

Мне очень грустно в этом признаться, но самодовольство было одной из самых привлекательных черт Питера. По правде говоря, не было на свете большего зазнайки, чем Питер.

Венди возмутилась.

— Ну и самодовольство! — воскликнула она с едкой

издевкой. — А я, по-твоему, тут совсем ни при чем?

— Нет, отчего же, ты тоже кое-что сделала, — ответил небрежно Питер и продолжал плясать.

— Кое-что! — сказала она свысока. — Что ж, если я здесь не нужна, я могу и удалиться...

И с большим достоинством она прыгнула в постель и с головой накрылась одеялом.

Питер подумал, что она выглянет, если он притворится, будто уходит, но, когда из этого ничего не вышло, он присел к ней на кровать и легонько толкнул ее ногой.

— Венди, — сказал он, — не удаляйся. Я всегда так кричу, когда я собой доволен.

Но она осталась под одеялом.

— Венди, — сказал он голосом, перед которым не устояла еще ни одна женщина, — Венди, от одной девочки больше пользы, чем от двадцати мальчишек.

Венди, конечно, была женщиной до самых кончиков своих пальцев, хоть пальчики эти и были совсем невелики, и она высунула голову.

— Ты правда так думаешь, Питер?

— Да, думаю.

— По-моему, это очень мило с твоей стороны, — заявила она. — Тогда я опять встану.

И она села рядом с ним на кровати.

— Хочешь за это поцелуй? — спросила Венди.

Питер протянул руку.

— Разве ты не знаешь, что такое «поцелуй»? — спросила Венди в смятении.

— Буду знать, когда ты мне его дашь, — ответил он холодно.

И, чтобы не обидеть его, Венди дала ему наперсток.

— Ну а теперь, — сказал он, — вот тебе поцелуй. Хочешь?

Она сдержанно ответила:

— Ну что ж, пожалуй...

И наклонила к нему лицо. Это было очень глупо с ее стороны, потому что он просто сунул ей в руку желудевую пуговицу. Она медленно выпрямилась и сказала вежливо, что всегда будет носить его «поцелуй» на цепочке. Так она и сделала — это было очень кстати, потому что впоследствии он спас ей жизнь.

Когда люди в нашем кругу знакомятся, они обычно интересуются возрастом друг друга, и потому Венди, которая всегда старалась вести себя как полагается, спросила у Питера, сколько ему лет. Это был не очень удачный вопрос — так порой бывает на экзамене, когда тебе предлагают грамматику, в то время как тебе хотелось бы написать, какие короли правили в Англии.

— Не знаю, — ответил Питер смущенно, — но я еще очень молод...

Он действительно не знал, сколько ему лет, только смутно кое о чем догадывался, но сказал он совсем другое:

— Знаешь, Венди, я убежал из дому в тот день, когда родился.

Это было странно, но интересно, и Венди, вспомнив, как в таких случаях поступают в гостях, легонько похлопала себя по ночной рубашке, давая ему понять, что он может придвинуться к ней поближе.

— Я услышал, как мои родители говорили о том, кем я буду, когда вырасту, и убежал, — сказал Питер тихо.

Он был чрезвычайно взволнован.

— А я не хочу становиться взрослым, — продолжал он с жаром. — Я хочу всегда быть мальчишкой и ни о чем не думать! Вот я и убежал в Кенсингтонские сады и стал жить там с феями.

Венди глядела на него с глубочайшим восхищением, и он подумал, что она восхищается его побегом из дома; на самом же деле ее поразило то, что он был знаком с феями. Венди

вела такой скромный домашний образ жизни, что знакомство с феями показалось ей чем-то изумительным. Она засыпала его вопросами о феях, что очень удивило Питера, ибо феи ему часто надоедали, лезли под ноги и прочее, так что порой ему приходилось задавать им трепку. Все же в целом они ему нравились, и он рассказал ей, как феи появились.

— Знаешь, Венди, когда первый младенец впервые засмеялся, смех его разлетелся на тысячи кусочков — вот откуда пошли феи.

Скучный это был разговор, но ей, как домоседке, он очень понравился.

— Так что в результате, — сказал он добродушно, — на каждого мальчика и девочку должна быть одна фея.

— Должна? Но разве так оно и есть?

— Нет. Дети сейчас так много знают, что очень рано перестают верить в фей, а всякий раз, когда кто-нибудь из них говорит: «Я в фей не верю», какая-нибудь фея тут же падает и умирает.

Скоро ему наскучил этот разговор, и тут он заметил, что Динь что-то притихла.

— Не знаю, куда она задевалась, — сказал он и встал. — Динь, где ты?

От восторга сердце громко забилося у Венди в груди.

— Питер! — вскричала она и схватила его за руку, — неужели у нас в детской настоящая фея?

— Она только что была здесь, — сказал он с нетерпением. — Ты ничего не слышишь, а?

Оба прислушались.

— Я слышу только, будто где-то звенят бубенчики, — сказала Венди.

— Это Динь! У фей такой голос, понимаешь? Кажется, я тоже теперь слышу.

Звон шел из комода, и Питер скорчил веселую гримасу.

— Венди, — прошептал он с восторгом, — кажется, я

запер ее в комод!

Когда он выпустил наконец бедную Динь, она заметалась по детской, вопя от гнева.

— Ну что ты кричишь? — возразил ей Питер. — Ну хорошо, я виноват, но откуда мне было знать, что ты там?

Венди не слушала его.

— Ах, Питер! — воскликнула она. — А не могла бы она остановиться на минуточку? Я хочу ее получше разглядеть.

— Они очень редко останавливаются.

Но Венди все же увидела, как это романтическое создание присело на минутку на большие часы с кукушкой.

— Какая прелесть! — воскликнула она, хотя лицо у Динь все еще было перекошено от злости.

— Динь, — сказал Питер с улыбкой, — эта дама хочет, чтобы ты была ее феей!

Динь что-то дерзко прокричала в ответ.

— Что она говорит, Питер?

Ему пришлось объяснить:

— Она не очень-то вежлива. Говорит, что ты большая, неуклюжая девчонка и что она моя фея.

Он стал уговаривать Динь:

— Ты ведь знаешь, тебе нельзя быть моей феей, Динь, — ведь я джентльмен, а ты дама!

На это Динь только ответила:

— Ну и дурак!

И скрылась в ванной.

— Она фея низшего разряда, — сказал Питер в ее оправдание. — Ее зовут Динь-Динь, потому что она паяет чайники и кастрюльки.

Они уселись вдвоем в кресло, и Венди снова засыпала его вопросами:

— Значит, ты больше не живешь в Кенсингтонских садах?

— Иногда живу.

— А чаще где же ты живешь?

— С пропавшими мальчишками.

— А кто это?

— Это мальчики, которые выпали из колясок, когда няньки смотрели в другую сторону. Если никто не потребует их обратно через неделю, их отсылают на остров Нигдешний, чтобы не было лишних расходов. Я у них капитан.

— Как это, должно быть, чудесно!

— Да, — согласился коварный Питер, — но иногда нам бывает очень грустно. Понимаешь, общество у нас исключительно мужское.

— Как, разве среди вас нет девочек?

— Конечно нет! Ты же знаешь, девочки умные, они из колясок не падают.

Это страшно понравилось Венди.

— По-моему, — сказала она, — ты ужасно мило говоришь о девочках. А вот Джон, — и она указала рукой на старшего брата, — он нас просто презирает!

Вместо ответа, Питер встал и одним ударом ноги сбросил Джона вместе с одеялом на пол. Одним ударом! Это показалось Венди несколько дерзким для первой встречи, и она твердо сказала Питеру, что у нее в доме он не капитан. Джон, однако, продолжал крепко спать на полу, и она не стала его тревожить.

— Я знаю, Питер, ты хотел сделать мне приятное, — сказала она, смягчаясь. — За это можешь подарить мне поцелуй.

Она забыла, что Питер не знает, что это такое.

— Я так и знал, что ты возьмешь его назад, — сказал он не без горечи и протянул ей наперсток.

— Ах нет, — сказала добрая Венди, — я хотела сказать не «поцелуй», а «наперсток».

— Что это такое?

— А вот что!

И она поцеловала его.

— Смешно! — сказал Питер серьезно. — Ну а теперь хочешь получить от меня наперсток?

— Как знаешь, — ответила Венди, на этот раз держа голову очень прямо.

Она получила «наперсток» от Питера и почти тут же вскрикнула от боли.

— Что случилось, Венди?

— Кто-то дернул меня за волосы!

— Это, верно, Динь. Что это с ней? Раньше она никогда так не безобразничала...

И правда, Динь летала вокруг них и выкрикивала всякие обидные слова.

— Венди, она говорит, что за каждый наперсток будет дергать тебя за волосы.

— Но почему?

— Почему, Динь?

И снова Динь прокричала в ответ:

— Дурак!

Питер так ничего и не понял, зато Венди поняла. Она немного огорчилась, когда он признался, что прилетал в детскую не для того, чтобы повидаться с ней, а чтобы послушать сказки.

— Понимаешь, я не знаю ни одной сказки. И пропавшие мальчишки тоже!

— Какой ужас! — воскликнула Венди.

— А знаешь, — продолжал Питер, — почему ласточки лепят гнезда под крышами? Чтобы слушать сказки! Ах, Венди, твоя мама рассказывала такую чудесную сказку!

— Какую?

— Про принца. Он еще не мог найти девушку с хрустальным башмачком.

— Питер, — заволновалась Венди, — это была Золушка,

а он нашел ее, и они жили счастливо до самой смерти.

Питер так обрадовался, что вскочил и бросился к окну.

— Куда ты? — крикнула она. Сердце у нее защемило.

— Рассказать мальчишкам!

— Не уходи, Питер! — попросила она. — Я знаю много-много сказок.

Именно так она и сказала, и потому не может быть никакого сомнения в том, что уговаривала его она. И он вернулся. Глаза у него жадно блестели, это должно было бы насторожить Венди, но не насторожило.

— А какие сказки я могла бы вам рассказать! — воскликнула она.

Тогда Питер схватил ее и потащил к окну.

— Пусти меня! — приказала она.

— Полетим со мной, Венди! Ты будешь рассказывать нам сказки!

Конечно, ей было очень приятно, что он ее так просит, но она сказала:

— Ах нет, я не могу... Что будет с мамой?! И потом, я не умею летать...

— Я тебя научу.

— Вот было бы чудесно!

— Я научу тебя вскакивать ветру на спину, и мы улетим!

— О-о! — простонала она, захлебываясь от восторга.

— Венди, Венди, вместо того чтобы лежать в этой глупой постели, ты могла бы летать со мной по небу и шутить со звездами!

— О-о!

— И знаешь, Венди, там есть русалки!

— Русалки? С хвостами?

— С длинными-предлинными.

— Ах! — вскричала Венди. — Увидеть русалку!

Тут Питер проявил ужасное коварство.

— Венди, — сказал он, — а как мы тебя будем уважать!

Венди задрожала. Она изо всех сил старалась остаться дома.

Но Питер не знал жалости.

— Венди, — продолжал этот хитрец, — а по вечерам ты будешь подтыкать нам одеяла.

— О-о!

— Нам еще никто никогда не подтыкал одеяла!

— О-о!

И она протянула к нему руки.

— И ты могла бы штопать нам чулки и пришивать нам карманы. У нас на всех ни одного кармана!

Разве она могла устоять?!

— Да, это было бы замечательно! — сказала она. — Питер, а Джона и Майкла ты тоже научишь летать?

— Научу, если хочешь, — сказал он равнодушно.

Она подбежала к Джону и Майклу и стала их расталкивать.

— Проснитесь, — сказала она, — Питер Пэн здесь! Он сейчас научит нас летать!

Джон протер глаза и сказал:

— Встаю. — Он и не заметил, что лежит на полу. — Э, да я уже, кажется, встал.

Майкл тоже проснулся. При виде Питера глаза его засверкали, словно новенький перочинный ножик с шестью лезвиями и пилкой, но тут Питер подал им знак молчать. В глазах у них мелькнуло то страшное лукавство, которое появляется у детей, когда они прислушиваются к звукам из взрослого мира. В доме было тихо. Значит, все в порядке. Впрочем, стоп! Тут что-то не так! Нэна весь вечер просто разрывалась от лая, а теперь вдруг замолчала. Эта тишина и насторожила их.

— Гаси свет! Прячься! Живо! — скомандовал Джон в первый и последний раз за всю эту историю.

Вот почему, когда в детскую вошла Лиза, держа Нэну за

ошейник, ей показалось, что все в порядке; в детской было темно, и она готова была поклясться, что слышит, как дети сладко посапывают во сне. На самом-то деле эти негодники сопели нарочно, спрятавшись за оконными занавесками.

Лиза была страшно сердита на Нэну: она месила на кухне рождественский пудинг, а тут ей пришлось все бросить из-за каких-то глупых собачьих подозрений. Она даже не заметила, что к щеке у нее пристала изюминка. Чтобы заставить Нэну замолчать, она решила свести ее на минутку в детскую, но только, конечно, под надзором.

— Вот, смотри, подозрительное ты животное, — сказала она, радуясь, что Нэна в немилости. — Ничего с ними не случилось, с твоими любимцами. Спят себе спокойно в кроватках. Слышишь, как они ровно дышат?

Тут Майкл, обрадовавшись, что они так ловко провели Лизу, засопел еще громче и чуть все не испортил. Нэна поняла, что здесь что-то не так, и стала рваться из Лизиных рук.

Но Лиза ни о чем не догадалась.

— Ну хватит, Нэна! — сказала она строго и потащила Нэну из детской. — Добром тебе говорю: если ты опять станешь лаять, я сбегая за хозяином и хозяйкой! Ну и выдерет тебя тогда хозяин!

И она снова привязала несчастную собаку во дворе.

Ты думаешь, Нэна перестала лаять? Сбегать за хозяином и хозяйкой? Этого она как раз и хотела! Ты думаешь, она испугалась побоев? Ей было все равно, только бы спасти детей! Но Лиза, к несчастью, опять занялась пудингом, и Нэна, видя, что ждать от нее помощи нечего, прыгала и прыгала на цепи, пока наконец не оборвала ее. Через минуту она уже вбежала в столовую дома номер двадцать семь и воздела передние лапы к небу — она всегда так поступала, когда нужно было сообщить что-нибудь особенно важное.

Мистер и миссис Дарлинг тут же поняли, что в детской

происходит что-то ужасное, и, не прощаясь с хозяйкой, бросились на улицу. Но с того момента, как трое негодников сладко сопели, спрятавшись за оконными занавесками, прошло уже целых десять минут, а за десять минут Питер Пэн может много чего натворить!

Теперь давайте вернемся в детскую.

— Опасность миновала, — сказал Джон, выходя из своего укрытия. — Нет, Питер, ты правда умеешь летать?

Вместо ответа, Питер вспрыгнул на камин и сделал круг по комнате.

— Вот здорово! — закричали Майкл и Джон в один голос.

— Как мило! — воскликнула Венди.

— Да, я милый! Я очень милый! — согласился Питер, снова забывшись.

Им показалось, что летать очень просто, и они попытались взлететь — сначала с пола, а потом с кровати, — но только падали, а не взлетали.

— Послушай, как это у тебя получается? — спросил Джон, потирая коленку. Он всегда отличался деловитостью.

— Надо просто подумать о чем-нибудь приятном и удивительном, — объяснил Питер, — и сам не заметишь, как поднимешься в воздух!

И он показал им, как это делается.

— Здорово у тебя получается! — сказал Джон. — А ну-ка повтори, но только медленно.

И Питер повторил — сначала медленно, а потом быстро.

— А-а, понял! — вскричал Джон.

Но очень скоро он убедился, что ничего не понял. Никто из них не мог и секунды продержаться в воздухе, хотя Майкл уже читал двухсложные слова, а Питер и азбуки-то не знал.

Конечно, Питер просто шутил, ведь всем известно, что без волшебной пылицы взлететь невозможно. К счастью, как мы уже говорили, на пальцах у Питера оставалось немного

пыльцы, и он дунул ею на всех троих. Результаты превзошли их ожидания.

— А теперь пошевелите плечами, — сказал Питер. — Вот так! Ну, отрывайтесь!

Все они стояли на своих кроватях, и доблестный Майкл взлетел первый. Он и не думал, что взлетит, но вдруг оказался где-то под потолком.

— Я ле-тю-у! — закричал он, едва оторвавшись от опоры.

Тут Джон тоже поднялся в воздух и встретился с Венди около ванной.

— Как чудесно!

— Как удивительно!

— Взгляните на меня!

— Взгляните на меня!

— Взгляните на меня!

Конечно, они летали не так изящно, как Питер, и ноги у них болтались во все стороны, но головами они то и дело стукались о потолок, а это одно из самых приятных ощущений! Сначала Питер немножко поддерживал Венди, но Динь так сердилась, что пришлось ему от этого отказаться.

И они летали, вверх и вниз, и кружили, кружили по комнате.

— Это восхитительно! — повторяла Венди.

— Послушайте, — сказал вдруг Джон. — А почему бы нам не улететь?

Именно на это и подбивал их Питер. Майкл ничего не имел против: ему хотелось узнать, за сколько дней он пролетит миллиард миль. Но Венди колебалась.

— Русалки! — напомнил ей Питер.

— О-о!

— А потом, там еще есть пираты!

— Пираты! — воскликнул Джон и схватил свою праздничную шляпу. — Летим сию же минуту!